

Серия "Литературные памятники" Иннокентий Ф. Анненский, М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

Статья из "Книги отражений", 1906 г.

ВИНЬЕТКА НА СЕРОЙ БУМАГЕ К "ДВОЙНИКУ" ДОСТОЕВСКОГО

Колорит ноября. Колорит туманной, мозглой петербургской ночи. Только не теперь, а лет 50, а то и все 60 тому назад {1}. Кажется, Фонтанка. Над водой повис плоский и опустелый мост, а ветер то поскрипывает фонарными столбами, где тоскливо мигает что-то желтое, то выше колец взрывает черную воду канала. Прохожих совсем мало. Да кому и ходить-то в такую ночь? А это что же там метет из улицы в улицу, метет в самое лицо и за воротник шинели, и на фонарь, и в реку?..

Снег? Дождь? Может быть, болезнь? Может быть, безумие... смерть? Торопливые, мелкие шаги... Человек небольшого роста, пожилой, в енотах {2}. Что-то вроде чиновника средней руки. Но отчего же он так бежит, точно чего-то боится или точно за ним погоня? Погони нет, но его только что выгнали из одного дома {3}. И из какого еще? Ведь это был почти что его дом, от друга, от благодетеля выгнали... Что поделаешь-то? Завелись там молокососы разные, женишки завелись; выживать да выживать, и видите – какой оборот!.. и совсем даже безо всякой церемонии – русским, мол, тебе языком говорят... Ах, да совсем не то же... Ну право же, не то, господа... Наваждение это, дурной сон... А чтобы, действительно... чтобы одна рука налегла на спину – и плотно налегла, а другая нахлобучила шапку, а третья... Нет, этого, господа, как вы себе там хотите, а этого-то уж не было... Ну, срезался – это так... Ох, постойте ж... Да неужто же так-то вот взяли да и выгнали? Да, брат Голядкин, плохи делишки-то твои... Бунтовал – вот теперь и расплачивайся... Слышишь – часы бьют.. {4} Не рано, поди. Денек-то ау! А только как-то ты завтра, братец, отвертись... Бежать скорее... И даль же, господи... А расплата-то ведь, может быть, и раньше начнется, чем завтра... Вот за этим поворотом и начнется, – за переулочком-то этим... Боже мой! Что за странный вид у этого человека. Вы только взгляните... Он совсем опал и от прозреваемого завтра, и от обиды, и от всего обилия даров петербургского ноября. Вот он на минуту даже присел отдохнуть на тумбу под самым фонарем. Енот его распахнулся и весь вымок. Одну калошу он уже посеял. Волосы слиплись. Какой выцветший, вытертый, какой линиялый человек... И это он-то бунтовал? Да еще как! Не дальше как сегодня утром он нарядил своего Петрушку в ливрею с галунами, а сам он, этот измокший человечиска, только что спущенный с лестницы, сел в голубую карету с гербами и разъезжал по магазинам, вещей одних, поди, на тысячу рублей наторговал {5}. Позвольте, но какой же это бунт, если и он хотел быть как все? И отчего же, скажите, Якову Петровичу Голядкину не быть как все? Ну, в канцелярию не пошел... Так на это же причины были... Не манкировать же ему было перед статским советником Берендеевым... Пригласили человека на обед, ну он и поехал на обед, покатался по Невскому, к доктору своему заехал {6} – и на обед... Да... И что ж тут такого, – я не понимаю. А дом-то какой! Почтенный старец, так сказать, убеленный... на службе лишился употребления ног и за это награжден капитальцем, деревеньками, домком и красавицей дочкой {7}. Дом чиновный, столичный дом... А он-то, Голядкин? Ведь уж так обласкан был, что и сказать нельзя... Платье обновил для такого-то случая... карету взял. Вот тебе и карета... Да чем же он, скажите, хуже других? Что тот-то, мальчишка-то в 26 лет и ассессор, и с орденом... {8} Так ведь это что же, собственно?... Непочтительно, мол, трактует... Так здесь вам, Андрей Филиппович {9}, не канцелярия. Здесь мы на равной ноге. Вот тебе и на равной ноге. Просят, мол, извинить, принять никак не могут {10}: не так здоровы... Ну, что делать... Перекусил в трактире, а потом-то, потом-то что?... Час стоял, два стоял, на лестнице, за шкапами стоял, между скарбом всяким, умирал, изнывал, а стоял... Ну что ж? Ведь и он, как другие, постоял, постоял да и пошел – и довольно даже свободно вошел... Что ж, мол, и вы – гости, и я – гость... Я, господа, сам по себе... Герасимыч, поправьте свечечку-то: видите – не прямо стоит. Да-с, вошел и дар слова обрел, сердца тронул, почти что слезу вышиб... Минута, две минуты внимания – и господин Голядкин восстановлен, господин Голядкин опять на равной ноге со всеми этими людьми, – и надо же